Митрополит Иларион: Преподобный Сергий особенно близок русской душе

19 июля 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал писатель, историк, профессор института журналистики и литературного творчества Константин Ковалев-Случевский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о преподобном Сергии Радонежском. У меня в гостях – писатель, историк, профессор института журналистики и литературного творчества Константин Ковалев-Случевский. Здравствуйте, Константин Петрович!

Константин Ковалев-Случевский: Здравствуйте, Владыка! Спасибо, что пригласили для обсуждения такой важной темы. Я бы хотел задать Вам вопрос, связанный с личностью преподобного Сергия. О нем уже много говорили - по радио, телевидению, писали книги. Создается впечатление, что все о нем что-то знают. Но меня всегда мучила одна загадка. Ведь немало святых на земле Русской, и самые первые – убиенные князья Борис и Глеб, и равноапостольный князь Владимир. Но почему-то тех же Бориса и Глеба мы как-то отстраняем (я имею в виду в социальной жизни), а вот преподобный Сергий – безукоризнен, его принимают все.

Вскоре после института, когда я начал работать в советской прессе, – в конце 70-х – я крестился. В то время я жил на Волге. И я знал, что жители этих мест ходили пешком в Троице-Сергиеву лавру. Это было обязательно. Любой православный христианин в России должен был один раз сходить пешком в Лавру. Меня это сильно удивило. Были целые маршруты, все знали, где, в каких домах можно переночевать, – была целая сеть паломничества именно к преподобному Сергию. Сам я тоже ходил в Лавру, правда, проходил не такое большое расстояние – от Заветов Ильича, есть такое место под Москвой. Почему же преподобный Сергий так любим в русском народе? В чем загадка?

Митрополит Иларион: Во-первых, я бы не стал отделять преподобного Сергия от других святых или противопоставлять его им. Многие на Руси почитали и почитают и Бориса и Глеба, и других святых, а уж о князе Владимире мы отдельно поговорим, это совершенно особый случай.

Но, конечно, преподобный Сергий имеет удивительное, особое свойство – его образ особенно близок русской душе. В нем распознают тот идеал, который подспудно всегда существовал у русского человека. Мы его находим и в гораздо более позднюю эпоху, например, у Достоевского в

образе старца Зосимы. Это все тот же образ, который перетекает к нам от одного святого к другому и который нашел свое столь прекрасное и высокое воплощение в образе преподобного Сергия. Это образ человека, который отрешен от всего земного, всю свою жизнь посвящает Богу, отличается глубоким смирением. Он не участвует в мирских делах, но при этом, когда необходимо, приходит на помощь своей молитвой, своим благословением, как это было в том случае, когда он преподал благословение благоверному князю Димитрию Донскому на Куликовскую битву.

Преподобный Сергий особенно близок русской душе. Это плоть от плоти нашего народа, и народ это чувствует – вот почему люди идут в Лавру, и не прекращается молитва у его гробницы с раннего утра и до позднего вечера.

К. Ковалев-Случевский: Мне как историку всегда было странно, что наше монашество в основном началось из боярских родов. Многие из первых известных преподобных были отпрысками очень знатных родов. Преподобный Сергий – не исключение. Но при этом он всегда отличался тем, что был, как сейчас бы выразились, очень демократичен. Когда он основал свой монастырь – сегодня, видя мощь и величие Лавры, это очень трудно представить, – это были всего-навсего несколько домиков в лесу, где люди сами на себя работали, чтобы прокормиться. Известно даже, что Преподобный, будучи игуменом, долгое время носил воду и колол дрова для одного из монахов, чтобы заработать на хлеб. Это совершенно потрясающие факты. Более того, у него были сложности с братией, иногда ему даже приходилось уходить из монастыря...

При этом существует один миф, и мне интересно, как Вы его прокомментируете. Считается, что монастыри были форпостами Руси, а потом России, потому что это были крепости. Так вот, известно, что до XVI-XVII века ни один монастырь не был построен по законам фортификации. То есть не было рвов, валов, специальных укреплений. Иногда и вовсе ограды не было. То есть монастырь, который основывал в XIV веке преподобный Сергий, был открыт всем ветрам, туда могли приходить дикие звери. Таким образом, мы прекрасно понимаем, что оружием монахов было не копье, не меч и не щит, а молитва. Является ли молитва как таковая еще больше опорой и более мощным оружием, чем щит и меч?

Митрополит Иларион: Во-первых, надо сказать, что монашеское братство состоит из людей. И, как и во всяком человеческом коллективе, там случаются внутренние конфликты, возникают свои проблемы. Вот почему из жития преподобного Сергия мы узнаем, что в его братстве такие конфликты случались и что ему даже приходилось уходить из монастыря, чтобы своим отсутствием и своей молитвой на расстоянии примирить враждующих.

Что же касается значения монастырей как крепостей, – скорее всего, здесь речь идет о духовных крепостях. Монастырские стены воздвигались в очень многих случаях – иной раз это были стены

крепостные, как, например, в Соловецком монастыре. Но монахи имели в виду не защиту от внешнего врага, а отделение от мира – ведь каждый монастырь создавался как некое подобие Царства Божия на земле. И при всех сложностях и трудностях человеческого общежития монахи преодолевали конфликтные ситуации, прежде всего, молитвой и смирением. И они учились на своем собственном опыте исполнять заповеди Христовы.

Недавно я услышал от одного бизнесмена весьма интересную мысль. Он говорил, что в бизнесе очень трудно соблюдать заповеди Божии, в частности, подставлять левую щеку, если тебя ударили по правой (см. Лк. 6.29): если так поступать, то весь бизнес развалится. И у меня в ответ на это родилась мысль, которой я бы хотел с Вами поделиться. Действительно, существуют некоторые области человеческой деятельности, где в буквальном смысле слова исполнить заповедь Христову о мире не только сложно, но и невозможно. Например, это война. На войне мы не можем быть миротворцами – если мы выступаем на стороне одного народа, то мы должны делать зло другому народу, потому что, если не убьешь ты, то убьют тебя. Бизнес – это своего рода конкуренция. И там действуют свои законы. Но может ли человек хотя бы где-нибудь исполнять заповеди Христовы? И приходит очень простой ответ: это возможно в монастыре, выполнимо в семье, это достижимо на уровне межличностных отношений. В человеческой жизни находится немало пространств, где заповедь Христову можно исполнить – в том числе и заповедь о том, что если тебя ударят по правой щеке, надо подставить левую. И преподобный Сергий своим собственным примером и на примере своей братии свидетельствовал о том, что исполнение заповедей Христовых вполне возможно.

К. Ковалев-Случевский: Я слышал, что те из православных, кто убивал на войне врагов, иногда отлучались от Причастия на двадцать лет, чтобы каким- то образом очиститься от пролитой крови…

Митрополит Иларион: Но как раз преподобный Сергий благословил своих двух иноков, схимонахов Пересвета и Ослябю, на участие в битве, и они погибли за свой народ.

К. Ковалев-Случевский: Именно это я и хотел сказать. Но для монашествующих участие в военных действиях было, как свидетельствуют документы и летописи, скорее исключением, чем правилом. Видимо, преподобный Сергий принял это исключительное решение благословить Пересвета и Ослябю, зная что-то, о чем не ведали другие. Это было его решение, и оно уникально. Известно, что преподобный Сергий был очень серьезным политиком, он прекрасно понимал ситуацию в стране и, как Вы сказали, благословил Димитрия Донского на Куликовскую битву. Есть споры, на Куликовскую ли битву или же на битву на реке Воже, но это неважно, в любом случае он дал благословение на битву с полчищами Мамая. Очень интересно, что в то время Русь была улусом Золотой Орды, законным ханом, или – как иногда его называли в наших летописях – царем которой был Тохтамыш. Таким образом, преподобный Сергий проводил мудрейшую

политику и даже влиял на действия Димитрия Донского. Ведь князь шел на Мамая, который был бунтарем и воевал не только с нами, но и с Тохтамышем. Если бы он победил нас, неизвестно, чем бы все закончилось, потому что вся история Орды пошла бы по-другому. Укрепление связей с тем же Тохтамышем было для нас очень важно, чтобы сохранить силы для дальнейших преобразований.

А сейчас я бы хотел коснуться другой темы – благословения на открытие монастырей, которое преподобный Сергий дал своим сподвижникам. Было основано более сорока монастырей, возникла Северная Фиваида... Последователи преподобного Сергия не только основывали монастыри – они продолжили крещение Руси. Многие думают, что Русь в те времена была полностью православной, но на самом деле более половины страны еще оставалась языческой – например, Пермские земли, жителей которых крестил святитель Стефан Пермский. Почему преподобный Сергий принял такое решение? Почему до него не открывалось такое количество монастырей одновременно?

Митрополит Иларион: Думаю, что здесь не было никакой специальной стратегии, и преподобный Сергий не был политиком в том смысле, в каком мы употребляем это слово сейчас. Он знал и чувствовал, что Руси грозит опасность от татаро-монгол – опасность всему русскому народу, его святыням, его идентичности, и он дал благословение на эту священную борьбу ради защиты своего народа.

Когда Преподобный посылал своих учеников создавать новые монастыри, это был вполне естественный процесс, который, думаю, не был связан с какими-то политическими расчетами. Просто всегда в монашеском братстве, если в нем здоровая атмосфера, если у него мудрый авва, мудрый наставник, подрастают люди, которые потом сами основывают монастыри. В каком-то смысле им даже становится тесно в этом братстве. Здесь можно провести аналогию с детьми, которые, когда вырастают, уходят из родительской семьи и создают свою собственную. Так происходит и в монашестве: монастырь – это своего рода семья, в которой многие остаются на всю жизнь, но некоторые выходят из нее, чтобы создавать свои семьи – новые обители. Таким образом по лицу Земли Русской раскинулась сеть монастырей, которая существовала и развивалась вплоть до революции.

Потом эта сеть была искусственно разрезана на части: монастыри были закрыты, многие из них стерты с лица земли, как, например, Страстной монастырь в Москве, на месте которого сейчас сквер на Пушкинской площади. Но дело преподобного Сергия и монашеский опыт в целом не погиб: о его жизнестойкости свидетельствует то, что в наше время, которое многие на Западе называют постхристианским, монашеская жизнь в России была в полной мере возрождена. В Русской Церкви за последние 25 лет было открыто более 800 новых монастырей, а каждый

монастырь – это община, состоящая, по крайней мере, из нескольких монахов или монахинь, а в некоторых случаях их число доходит до 300-400 или даже до 500.

К. Ковалев-Случевский: В монашестве существуют два основных устава: один – общежительный, а другой – особножительный, отшельнический. Почему в свое время преподобный Сергий отказался от отшельничества? Даже когда его первый ученик – преподобный Савва Сторожевский в Звенигороде стал жить в пещерке, он при этом не отказался от монастыря, введя в своей обители общинножительство. С чем это связано?

Митрополит Иларион: Во-первых, это связано с тем, что преподобный Сергий, когда начинал свой монашеский путь, начинал его как отшельник, но часто случается так, что отшельники потом становятся востребованными, то есть они убегают от мира, а мир бежит за ними, они убегают от людей, а люди приходят к ним. Во-вторых, это связано с тем, что к нему стали приходить ученики и вокруг него создалось монашеское братство, которого раньше не было. Наверное, это не входило в его изначальные планы, но промыслу Божию было угодно этого отшельника, этого смиренного старца сделать отцом множества монахов, причем не только тех, которые жили непосредственно в его монастыре, но и тех, которые были его учениками и разошлись по всей Русской земле, создавая новые монастыри.

Значение подвига преподобного Сергия заключается еще и в том, что он ничего не планировал, ни на что не рассчитывал – он жил в Боге, его жизнь была духовной, глубоко религиозной, и к нему естественным образом стекались люди, которые, вдохновившись его примером, стремились к такому же образу жизни. Причем приходили к нему не только монахи – его совета искали и бояре, и простые люди. Их привлекала святость преподобного старца, тот подвиг старчества, который он совершал. И по сей день к истинным монахам, совершающим этот подвиг, стекается народ, чтобы получить совет, благословение и даже исцеление от болезней.

Спасибо Вам, Константин Петрович за то, что Вы были гостем нашей передачи.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/51238/